

P-596

92

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

М. РОГИ
**УДАР
 ПО КУЛАКУ**

Эта ударная книжка рассказывает о ликвидации кулачества как класса в районах сплошной коллективизации.

Перед тем как читать эту книжку, запомните, что сказал тов. Сталин: „Основным методом осуществления ликвидации кулачества как класса является метод коллективизации. Все остальные меры должны быть приспособлены к этому основному методу. Все, что противоречит этому методу или ослабляет его значение, должно быть отброшено“.

13
75
р. 596
М. РОГИ

УДАР ПО КУЛАКУ

Для детей среднего
и старшего возраста

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
1930

33334

P-59

14023

1967-68 г.

ОПЕЧАТАНО В ТИПО-ЛИТОГРАФИИ
„РАБОЧИЙ ЛЕНИНЕЦ“
ИЗД-ВА „МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“,
МОСКВА, Б. ВУЗОВСКИЙ, 1,
ГЛАВЛИТ № А 68.102.
ТИРАЖ 10100 экз.
ЗАКАЗ № 10'6.
М. Г. № 4346.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

СТАРОЕ, КАК РЕПЕЙНИК, ЕЩЕ ЦЕПЛЯЕТСЯ ЗА НОВУЮ ЖИЗНЬ

Если вам не лень, сядемте на громоздкую телегу, на охалку сена и отправимся в деревню.

Проедемте в район, где еще нет сплошной коллективизации, где колхозы еще только-только завоевывают себе место.

Дорога вьется среди полей. Впрочем, это сказано лишь для красоты слова, а на самом деле невозможно отличить, где лежит дорога, где начинается поле. Колеи разбегаются во все стороны. В густом черном тесте вязнет лошадь, вязнут колеса и медленно-медленно движется телега.

Лошадь пугливо останавливается перед лужей. Она повертывает голову и вопросительно смотрит на нас, как бы ждет от нас указаний. Но что можем ответить мы? Быть может, лужа глубока, и мы примем холодную ванну или завязем окончательно, а может, на наше счастье, выберемся благополучно. Наконец лошадь решается испытать глубину лужи. Она осторожно погружает в нее ноги выше колен. Тонет ось. С легким плеском колеса будоражат мутную воду, и мы плетемся дальше. Снова колеи разбегаются в разные стороны, скрываются среди кустов, далеко обегают дорогу и потом через сотню-другую метров покорно сходятся к черной жиже.

Лошадь об'езжает злополучный мостик.

Телега подпрыгивает на кочках. Нас подбрасывает, встряхивает, колотит о доски телеги, переворачивает нам внутренности. Впереди новое испытание. Мостик. Что-то безобразное, уродливое, внушающее подозрение не только нам, но и лошади. Она, не спрашиваясь больше нас, решительно сворачивает в сторону, об'езжает злополучный мостик и везет дальше.

Наконец и деревня. Нас окружает сплошное море полужидкой грязи. Колеса скрылись в ней почти целиком. Лошадь ежеминутно останавливается и тяжело дышит.

По обеим сторонам улицы выстроились убогие избенки с маленькими оконцами, со стенами, обшитыми для тепла соломой. Убого и внутри избенок. Простой деревянный стол, скамейки, табуреты, кое-где стулья, неуклюжая деревянная кровать, в большинстве без простынь, шкапчик для скудной посуды— вот и все богатство. Жужжат мухи. Они облепляют стены, потолок, стол, садятся вам на лицо и, согнанные, мечутся в воздухе. Заглянем за русскую печь. Желтые и черные тараканы ждут наступления ночи, чтобы похозяйничать на свободе. Они непрочь подобраться к оставленному ребенку и впитаться в его тело.

Теперь пройдем на двор. Под навесом, шумно вздыхая, пережевывает жвачку корова, фыркает лошаденка. Оба животных тощие, маленькие не по возрасту, хилые. Но хорошо, если есть и такие. В других дворах зловеще встретят нас опустевшие стойла. Мы без слов пойдем, каково бедняку вести хозяйство, обрабатывать землю с голыми руками.

Выйдем за околицу, на поля. Сравним их с полями в большом хозяйстве—колхозе или совхозе. Там колосья ровным, густым ковром тянутся на

Трудно бедняку обрабатывать землю голыми руками.

километры. Здесь поле—как старый ковер, потёртый и изъеденный молью. Оно все в разношерстных клочках посевов. На одном клочке колосья погуще и повыше, на другом—пониже и пореже, а то и вовсе плешивина—колосья еле показались из земли, их легко сосчитать. Но всюду захватывают унавоженную землю и спорят с посевами васильки и другие сорные травы.

ЗАГУБЛЕННЫЙ

ТРУД

Земля, разорванная на клочки, пожирает труд крестьянина. Он живет отсталой, некультурной жизнью. Где в деревне клубы, театры, кино, детские сады, ясли, спортивные площадки, прачечные, столовые, пекарни? Их очень мало. Обычная деревня почти не имеет других построек, кроме жилищ. А крестьянин должен иметь все это, он должен иметь и водопровод, и ванну, и электрическое освещение, и благоустроенные дороги, одним словом все, что дает наука и техника для настоящей культурной жизни.

Настоящая культурная жизнь доступна крестьянам. В сравнении с прошлым, дореволюционным временем жизнь большинства крестьян стала светлей, сытней. Бедняки и середняки получают кредиты, льготы и помощь для улучшения своего единоличного хозяйства. Но и крестьянский труд и помощь советской власти вязнут в трясине раздробленной земли, в деревенском невежестве. Единоличное хозяйство все время подстерегают и разоряют низкие урожаи, засуха или дождливое лето,

заморозки, павшая лошадь, нашествие вредителей и другие случайности. Нет твердой уверенности в завтрашнем дне.

Отсюда-то и протоптана дорожка за помощью к кулаку.

КТО ЖЕ ТАКОЙ КУЛАК

Иногда на плакатах и в карикатурах его рисуют с выпяченным пузом, жирным тройным затылком, с красной, готовой лопнуть от жира рожей, с оскаленными зубами и бутылкой самогона.

Плакатный кулак не всегда является портретом настоящего деревенского кулака и лишь сбивает с толку. Наш кулак Климов небольшого роста, худенький, с большой головой. Волосы гладко примазаны маслом, хитренькие глаза ощупывают вас с ног до головы. Есть кулаки высокие и толстые, остриженные под машинку и сбрившие усы и бороду. Всякие есть кулаки по своей наружности, и не в наружности сказывается кулак. Кулак—обыкновенный человек, и, как всякий человек, он любит свою семью, заботится о ней, не редкость, когда он старается дать детям образование, следит за чистотой в доме, случается, что совершенно не берет в рот вина, охотно читает газеты и

журналы и жадно интересуется наукой и техникой, чтобы воспользоваться ими для своего хозяйства.

Но нам совсем не интересна наружность кулака, не касается нас и поведение его в своей семье. Мы взглянем поглубже, внутрь кулацкого хозяйства, проверим, каковы отношения между кулацким хозяйством и остальными хозяйствами в деревне, — тут мы и найдем концы, раскусим, что за зверь кулак.

Разные бывают кулаки.

Н У Т Р О

К У Л А К А

На кулацком дворе стоят две-три-четыре лошадки, жуют корм. Что же, их даром кормить, что ли? А работы на своем наделе нехватает. Прикупить землицы нельзя, советские законы не позволяют. А тут рядышком безлошадные хозяйства не знают, как им обработать землю. В амбаре лежат лишние семена и не с'еденный, не проданный хлеб. Гноить

их, что ли? Идут в оборот и они. В сарае ждут не дождутся своей очереди сортировка, веялка, молотилка, разный сельскохозяйственный инвентарь. А рядом в других хозяйствах бедноты не только молотилки, но и плуга нет. И сортировка, молотилка жадно всасывают деревенские семена и зерно, не забывая своего хозяина. Но хлеб и деньги, которыми расплачивается бедняк, с неба не падают. Они накапливаются трудом. Выходит, что кулак за бесценок присваивает труд бедняка, а иногда и середняка. Кулак прикарманивает труд бедняков и в открытую. Наймет он батрака на летний сезон или на год. Работает батрак на кулака целый день, с раннего утра до поздней ночи, вырабатывает на рубли, а получает от кулака гроши.

Кулак изо дня в день задаром присваивает труд батрака. Отношения между кулаком и батраком те же, что между рабочим и буржуем на капиталистической фабрике.

Вот мы и раскусили орешек, и на язык нам попало гнилое и горькое ядрышко. Оказывается, что когда в одном хозяйстве слишком много живой тягловой силы и инвентаря, а в других кругом нищета, создаются кабальные отношения. Богатое хозяйство распирает, ему тесно у себя, и оно норовит расширяться за счет бедных и нищих хозяйств. Кулацкое хозяйство, как прорва, никогда не бывает сыто. Оно все больше и больше разгорается на эксплуатацию соседних хозяйств. Вот почему кулаку нужна деревня старая, царского времени, темная, голодная, необеспеченная, не уверенная в завтрашнем дне. Только тогда она сама лезет в кулацкий рот жирной галушкой. Безлошадному кулак поможет вспахать землю, но снимет половину

урожая в свою пользу. Он даст охотно и семян на посев, но урвет вдвое и втрое, когда придет время жатвы. Не откажет кулак и в хлебе весной. А отдача идет по пословице — „взял лычко, отдай ремешок“. Кулак вынуждает продавать ему по дешовке хлеб, скотину, продукты, заставляет отрабатывать на его поле в самое горячее время. Кулак закабалает батраков. Богатое хозяйство жиреет, а деревню обрекает на полуголодное житье-бытье.

Здесь-то и скрыто нутро кулака, его вред для деревни.

Естественно, что советская власть ведет с кулаком борьбу. Но государству не по силам каждое бедняцкое и середняцкое хозяйство снабдить полностью машинами, семенами, лошадьми. Никаких средств на это нехватит. Да и затрата окажется бесцельной. Пока существуют частные, единоличные хозяйства, неминуемо одни хозяйства нищают, беднеют, а другие обогащаются. Богатеющее частное хозяйство непрочь нажиться на чужой беде. Вот на этом и вырастает кулак.

Ленин потому и говорил, что мелкое товарное хозяйство ежеминутно, ежечасно выделяет из себя капитализм, т. е. с одной стороны бедняков, а с другой—кулаков-эксплоататоров.

ВАНЬКА-

ВСТАНЬКА

Среди мелких хозяйств кулак—как Ванька-Встанька. Есть такая игрушка. Хоть год держи ее, положенной на обе лопатки, а чуть отпустил руки, Ванька-Встанька и встает, раскачивается нахально из стороны в сторону. Впрочем, есть и разница. Кулацкий Ванька-Встанька—игрушка опасная. Качаться она качается, да в одну сторону наклонится, по бедняцкому хозяйству—бац! В другую наклонится—по середняцкому—хватя! Долбит и долбит мелкое хозяйство, а кусочки от них запихивает себе в рот.

Единственное средство избавиться от кулака и не народить нового—это уничтожить корни крестьянской нужды, уничтожить все те причины, от которых страдает и нищает бедняцкое и середняцкое хозяйство. Но как же крестьянину поставить свое хозяйство на ноги? Сделать это легко и трудно. Легко потому, что достаточно крестьянам перейти на коллективный труд, организовать колхозы, и перед ними откроется широкий путь хозяйственного роста и культурной жизни. Итти в кабалу не будет у них нужды. Трудно потому, что приходится разрывать с цепким старым бытом, со старыми навыками к обособленному труду, с привычным, хорошо знакомым мелким хозяйством, с которым крестьяне сроднились за сотни лет.

Советская власть приходит крестьянам на помощь. Она решительно ведет деревню к переустройству хозяйства на социалистических нача-

лах — помогает организации колхозов и создает машино-тракторные станции для обслуживания коллективных хозяйств.

Число колхозов растет изо дня в день, но на сегодня они не охватили еще всей массы середняков, бедняков и батраков. Единоличные хозяйства еще существуют. Значит, существует еще и почва для появления нового кулака, если избавиться от старого.

Вот почему еще и сейчас советская власть и коммунистическая партия не уничтожают кулацкие хозяйства там, где еще есть единоличные хозяйства. Кулаки как класс уничтожаются в районах сплошной коллективизации. В остальных районах советская власть ограничивает кулацкие аппетиты — борется с кабальными сделками, заставляет кулаков засеять землю, а если они отказываются, то лишает их надела.

ВСЕ ТЕСНЕЕ И ТЕСНЕЕ

СТАНОВИТСЯ ЖИТЬ КУЛАКУ

Вот он только что распланировал, кому даст в долг семян, кому одолжит на время плуг или лошадку, сколько поживы принесет ему завтрашний день. Но увы, сладок сон, да горестно пробуждение. Кулаку Климову указывают от ворот поворот.

— Не надо. Без тебя обойдемся. Спасибо за помощь, а от раззора избавь.

В чем дело? Что случилось? Куда же подевалась та деревня, в которой так хорошо жилось кулаку? Случилось же то, что крестьяне об'единились в колхоз. Теперь при коллективном труде разве останется необработанным и незасеянным хоть один клочок земли? Но это еще не все. Коллективный труд

открывает источники хозяйственного роста, о которых и не думало мелкое хозяйство. Машины и двигатели, новые корма и новые технические культуры, общественные скотные дворы на сотни коров, общественные конюшни, свинарники, промышленное огородничество, садоводство, пчеловодство, птицеводство с инкубаторами, маслодельные и маслобойные заводы, мельницы, крупорушки, консервные заводы и другие подсобные предприятия— все это зарождается и крепнет только в большом хозяйстве.

Коллективное хозяйство крепнет и растет. В тепле и уходе коровы дают двойное и тройное количество молока. Расширяются огороды, сады, пчельники. Пустоши, к которым и не подступался раньше крестьянин со своей лошаденкой, теперь покрыты молодыми зелеными. Ковырянье земли с надеждой на авось и бога забыто навсегда. Крестьянин влезает на трактор, изучает агрономические науки, огородное и садоводное дело, строит подсобные предприятия по переработке сельскохозяйственного сырья, т. е. молочные фермы, маслодельные и другие заводы, — одним словом, крестьянин становится обученным специалистом, которого на мякине не проведешь.

Меняется и быт. Что раньше знала старая деревня? Пустые щи да кашу, а в праздники обжорство и пьянку. Вот и все удовольствия, вся культура. Теперь же возникают ясли, клубы, детские сады, площадки, устраиваются радио, кино, театры, бани, прачечные, столовые, ведутся лекции и доклады по политическим и хозяйственным вопросам.

Может ли сюда подступиться со своей кабальной помощью кулак? Да никогда! Он остается со своей жадностью в стороне. Все ему чужие, и он всем чужой и враждебный. Все против него!

Нет щелочки в колхозе, где бы смог укрыться кулак, найти себе убежище, и он готов с'есть колхоз со всеми потрохами, без остатка, проглотить его живьем. Но близок локоть, да не укусишь—широка кулацкая глотка, а колхоз застревает костью в горле.

Кулак зол, но еще не унывает. Можно в других районах найти еще запутавшиеся в межах деревни. Ладно. Чорт с вами, колхозниками. Свет не клином сошелся, а своим добром не бьют челом. Вы нос воротите, а может кто другой с поклоном примет меня, с почетом, с благодарностью.

По соседству возникает еще колхоз, колхоз вырастает сзади, спереди кулака. Он уже в кольце колхозов. Он мечется, как мышь в мышеловке. Туда ткнется, сюда ткнется. Нигде нет выхода. Колхозы слились в район сплошной коллективизации. Кончилось здесь кулацкое житие.

Неоткуда взяться новому кулаку. Щелочки такой нет в районах сплошной коллективизации.

Вот почему советская власть и коммунистическая партия решили покончить с кулаком как классом в районах сплошной коллективизации. Теперь можно обезвредить кулака Климова и не опасаться, что на его место выползет Егоров, Петров, Семенов.

В районах сплошной коллективизации бедняки и середняки отнимают у кулака созданные их трудом богатства. А без средств производства, без лошадей, машин, денег он и в другом районе не так опасен.

Но ликвидировать класс кулаков мы начали недавно. До этого мы их лишь постепенно вытесняли, ограничивали их алчные аппетиты. Да и сейчас мы не можем сразу их ликвидировать там, где нет сплошной коллективизации. Раскулачишь одного, а там из сотни мелких хозяйств другой кулачок

подымется. К раскулачиванию поэтому приступают только на основе сплошной коллективизации.

Житие кулацкое кончилось, а кулак-то остался. За годы Октябрьской революции кулак многому научился, наострился, как спасти свою шкуру.

Попробовал он однажды взять напором. Было это в 1927 г. Кулаку показалось, что настала самая пора показать волчьи зубы и когти и вонзить их в ненавистного врага—советскую власть.

Как же? Государство нуждалось в хлебе, а кулак зажал в своих руках более двух миллионов тонн продажного хлеба, это по старым мерам 130 млн. пудов, почти по пуду на каждого человека, старого и малого. Государство призывало крестьян сдавать хлеб по твердой цене, заключало договоры на сдачу хлеба и взамен помогало засеву поля, снабжало сортавыми семенами, оказывало кредит. Колхозы совместно с совхозами сдали тогда 600 тыс. тонн хлеба, сдавали бедняки и середняки.

А кулак выбирал ночь потемнее, озирался по сторонам, не видит ли кто, что несет он за плечами мешки с хлебом. Один за другим исчезали мешки в яме, вырытой то в сарае, то в амбаре, а то даже и в хлеву. Зарывал кулак хлеб в землю и шел домой спать, довольный, что обошел советскую власть. А днем подговаривал и других не сдавать, прятать хлеб.

Кулак Климов рассуждал так:

„Какая мне выгода продавать хлеб по казенной цене, что мне за него заплатят? А пережду я время, невидно пролетит осень, неслышно поползет зима, и, смотришь, незаметно подойдет весна. Хлебец вокруг под'едят, хлебец вздорожает ой-как, голодное брюхо не рассуждает, посевы не ждут. Возьму я за пуд хлеба не рубль, а три, пять, десять!

Это сколько же будет?! Сколько лишних рублей набегит в мое хозяйство!"

И сердце кулака разгоралось. Он подсчитывал мысленно будущие червонцы и прикидывал, что на них предпримет.

Впрочем, кулак непрочь сбыть государству свой хлеб, но по вольной, спекулятивной цене. Кулак не дурак. Он понимает, что при вольных ценах на хлеб бедняк и середняк понесут к нему весной последние гроши, а в городах увеличится заработная плата, чтобы рабочий был сыт и мог повышать свой труд. Вздорожают отсюда и товары так, что у кого средства считанные, к ним и не приступайся. Начнется скачка цен, а кулак будет ловить в мутной водиче вкусную для себя рыбку.

Мало этого!

Почувствуй кулак свою силу, он бы показал себя. Тогда подавай ему старые порядки, тогда долой все ограничения в правах, тогда давай ему право вырастать в крупного торговца, помещика, фабриканта, банкира. Вот куда метил кулак. Он добивался замены советской власти и диктатуры пролетариата другой диктатурой—капитала. Он протягивал руки заграничным капиталистам, чтобы удушить Советское государство и снова получить право неограниченной наживы и эксплуатации рабочих и крестьян.

Сорвалась кулацкая затея. Пропали зря все его труды. И что всего обиднее и досаднее кулаку беднота и середняки не только сдали излишки хлеба, но и помогли советской власти отобрать излишки от кулака.

Со злобы кулак гноил хлеб, в сердцах решая: „Не мне, так и не тебе,“—т. е. не Советскому государству, не рабочему, не крестьянину.

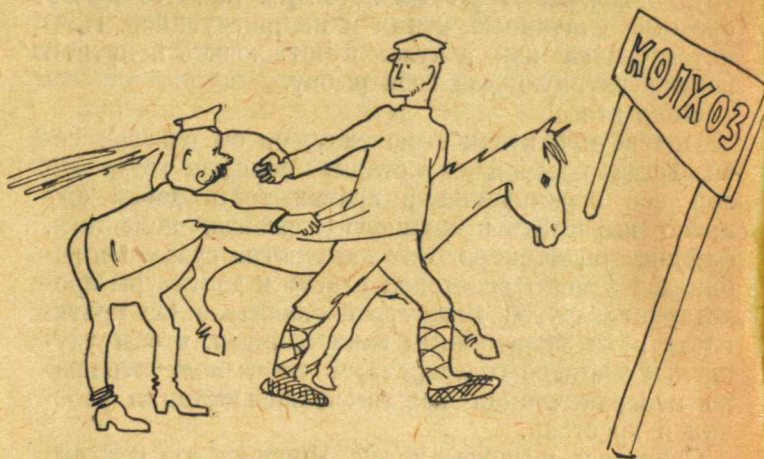

ЗЛОВРЕДНЫЙ

БЛАГОДЕТЕЛЬ

Когда усилилось колхозное строительство, кулак сделал еще одну попытку встать на дороге. Он попытался переманить на свою сторону бедноту и середняков.

— На кой тебе ляд совать шею в петлю,— убеждает он бедняка,— лезть в колхоз? Отберут от тебя все, и будешь ты не хозяин, а работник. Нужно тебе, я тебе дам плуг, снабжу лошадей, подсоблю семенами, старайся, работай, хозяйствуй.

Рассыпается кулак юрким бесом, а о том, что из мелкого хозяйства на хорошую жизнь редко кто выбирается, молчит кулак, молчит, как воды в рот набрал. Молчит он обдуманно. У него затаенная мысль—вернуть прежнее житье-бытье, когда он был в деревне и царь, и бог. Лишь бы не было колхоза, лишь бы остались бедняки и середняки у разбитого

корыта; вот тогда с ними можно повести другие речи, другой уговор, поставить другие условия.

Кое-где кулак добивается успеха. Не так-то просто окончательно порвать с жизнью, в которой вы-

рос с малых лет, которую вели отцы, деды, прадеды. Не так-то легко порвать с мелким хозяйством и заново переустраивать свою жизнь в колхозе. Тысячи сомнений, страхов, опасений встают на пути.

На этом и играет кулак свои песни, пугает!
— Ничего с колхозом не выйдет. Разоришь старое хозяйство—от одного берега отстанешь, к другому не пристанешь. Где же, дескать, всем согласнo работать? В семье свои люди, да и то ссоры да разделы.

Но колхозы растут везде и всюду. И кулак нападает с другой стороны:

Кулацкий агитатор

— Режь скот, разбазаривай семена, хлеб. У советской власти всего много. Она и скотину даст, и хлебом обеспечит, и даже обещала по паре новых сапог каждому. Чего вам свое барахло в колхоз тащить?

У кулака тонкий расчет—обессилить колхоз, обескровить его и заранее обречь на развал.

А уж если привалит такое счастье кулаку—пролезть в колхоз, тут ему полное раздолье: одному даст работу не по силам, в другом месте машин во-время не пошлет, семена сложит в сырой сарай, там незаконно освободит от работы, здесь припишет лишнее, там не допишет, что следует. Идет в таком колхозе свара, ругань, раздоры, плач.

Кулак притворно вздыхает:

— Говорил я, не слушали. И меня-то в какое дело втянули.

Пока кулак выбирал слабые места в советском строе и в колхозах, выросли новые фабрики и заводы, рабочие создали ударные бригады для повышения производительности труда, товары подешевели. Колхозы и совхозы расширили посевную площадь, увеличили урожайность.

Н Е Н А В И С Т Н Ы Е С Л О В А

Теперь уже мы не нуждаемся в кулацком хлебе. В 1929 г. колхозы и совхозы дали государству хлеба больше, чем давал кулак в 1927 г., а в 1930 г. колхозы и совхозы дадут около 7 млн. тонн хлеба— в три раза больше, чем кулак в 1927 г.

Кулак норовит вместе со своими прихвостнями подкулачниками нанести исподтишка удар по сплошной коллективизации. Он изловчается, хитрит, уго-

Почет Тихон Максимычу!

варивает, обманывает, пугает, льстит, ругается, клеветает, обещает турусы на колесах, готов на все средства.

Все нутро кулака пропиталось наживой на чужом труде, и не на труд, а на обман, хитрости, уловки ушла вся его жизнь, все его силы, желания, ум. И одно у него стремление—вернуть свою, кулацкую, жизнь. Вернуть отобранное.

Кулак мечтает: „Эх, прежнее времечко, когда человеку была вольная воля богатеть, распиряться, округлять свое хозяйство! Эх, его бы воля, куда как далеко ускакал бы он!“ И кулаку грезится большой дом с железной крышей, грезятся набитые зерном амбары, тучные и молочные коровы, сильные лошади и быстрый бегунок, на котором так лихо прокатиться среди снимающих шапки соседей. Кругом почтение, уважение, кругом заискивающе звучит:

— Климов, Тихон Максимыч, Климову, у Климова, к Климову...

Почет, довольство, деньги текут широкой рекой в бездонные карманы Климовых. Климовы на вершине своего кулацкого счастья. Они бахвалятся:

— Эва! Сколько людей пою, кормлю!

На самом же деле не Климов поит-кормит людей, а люди отдают ему свой труд, свою жизнь. Все богатство Климовых вырастает на поте, крови и нужде миллионов рабочих и на разорении крестьянских хозяйств.

Очнется кулак от своих мечтаний, взглянет в окошко, а напротив бьет в глаза вывеска; „Сельсовет“, вокруг сплошным кольцом колхозы. Как ножом по сердцу резнут ненавистные слова. Кулак ведет борьбу не на живот, а на смерть. Кое-где он переходит к открытому нападению, поджогам,

убийствам. Но чаще он пускается по знакомой ему обманной дорожке, хватается за соломинку, норовит использовать встречных и поперечных — свата, брата, нищенок, друзей, собутыльников.

Ч У Д Е С А

В Р Е Ш Е Т Е

Вот по пыльной дороге плетется „странница“, божья старушка. Со смиренным лицом входит она в деревню, стучит костью в одно окошко, другое, в третье, просит милостыню, норовит прошмыгнуть в избу. А там заводит разговоры. Послушать ее, волосы встанут дыбом, какие ужасы ожидают колхозников.

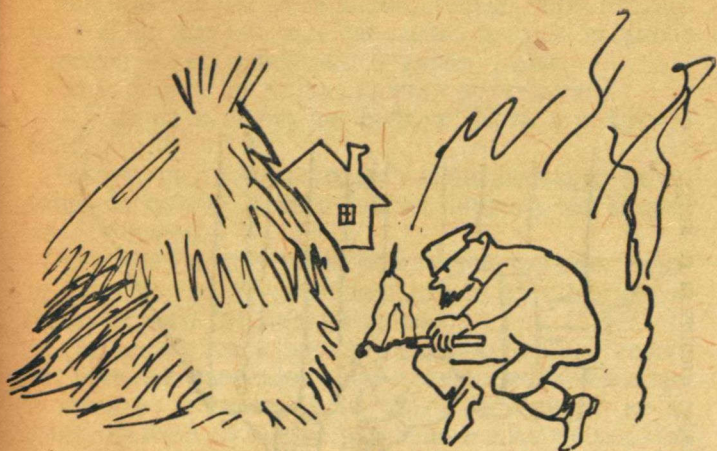
— Устроят вам, — охает „странница“, — большущие-пребольшущие сараи. И будут устроены нары, одно над другим, и окошечки маленькие-премаленькие, как для скотины. И без разрешения никто не смеет ни выйти, ни войти. И будут вас гонять на работу и с длинными-предлинными плетями стоять над вами коммунисты, а сатана будет смеяться и радоваться. Ох-хо-хо, нагрешили мы, видно, покарал нас господь!..

Дикие слухи, смешные, нелепые слухи распространяет „странница“. А ядовитый остаточек кое у кого остается. Наговорится „странница“, нагадит — и дальше, в другую деревню. Там ведет она иные речи:

— Недалек час, о, господи, придут китайцы и перевешают всех, кто в колхозе.

Покопаться в ее речах, допытаться, откуда она свои речи добыла, и вылезет наружу наш старый знакомец — кулак. Это он, не смея сам мутить, послал своего подголосника под видом странницы.

Но на ушко, под великим секретом, он не прочь поработать и сам:

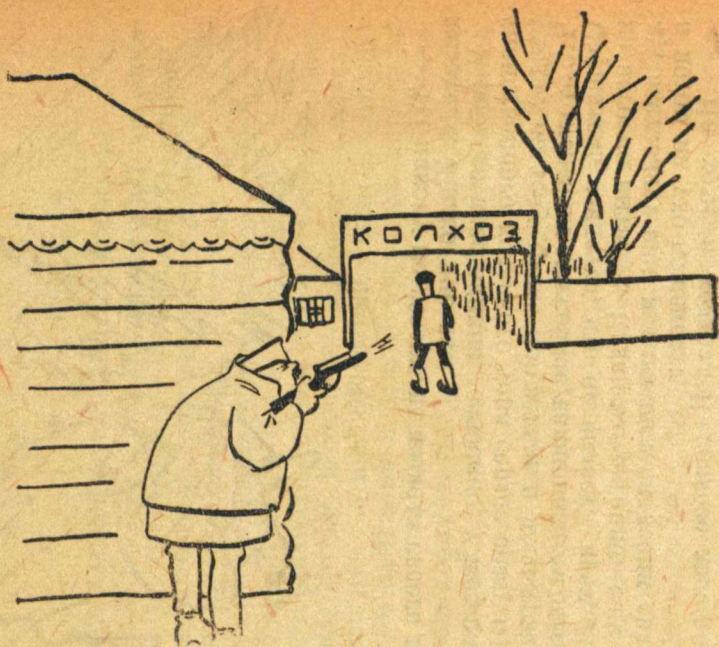
Враг за работой.

— Ты никому не говори, не подводи своего доброжелателя. Жалко мне вас.

У робкого крестьянина, особенно у женщин, от таинственного кулацкого тона сердце сразу в пятки уходит, по телу дрожь и мурашки, и ноги трясутся. Что это услышат они сейчас, какие напасти ожидают? Слушатель клянется, что не выдаст, умрет, а слова из него не вытянут. Кулак же нагоняет еще страху, заставляет еще раз поклясться всеми святыми, а потом на ухо и шепнет:

— Не ходи в колхоз. В колхозе жизнь будет крепостная.

Не забывает кулак и детей. Не хочется называть, где это случилось, в какой школе ребята осрамялись, да так осрамялись, что дальше и ехать некуда.

Пуля из кулацкого обреза стерегла активных колхозников.

Бегут из школы ребятишки, только пятки сверкают, сами пыхтят, как паровозы, руками за живот держатся, глаза выпучены в диком ужасе.

Разбежались по избам, кричат родителям:

— Больше в школу не пойдем! Хоть что хотите делайте!

Плачут, по темным уголкам забиваются, не вытащишь их оттуда. Никто понять ничего не может, что случилось.

Оказывается, кто-то из ребятишек кому-то когда-то, тоже по секрету, сообщил, что будут всем школьникам ставить клейма на животе.

Собрать все эти кулацкие выдумки,— выйдет сборник веселых рассказов. Мы и будем года через три слушать их и смеяться до упаду. Но сейчас не до смеху. Сейчас кулацкие рассказы мешают коллективизации, вносят смуту и раздоры.

Страх перед кулаками, зависимость от них не выветрились еще у части бедноты и даже середняков.

СКАТЕРТЬЮ

ДОРОГА

Но кто из крестьян мало-мальски разбирается, тот кулаку заявляет:

— Тебе-то хорошо жилось, а мы на кого спину ломали? На тебя! Ну и хватит.

Все чаще и чаще в районах сплошной коллективизации крестьяне выносят приговоры: „Выселить кулаков из района, чтобы зря не мучили, не мешали работе. Не надо нам врагов в наших рядах“.

Или отведут кулаку земли подальше да потощей. Пусть сам ковыряет сохой, как раньше бедняки ковыряли. Машины, лошадей, все награбленное у бедняков богатство отбирают для колхоза.

Какое же еще решение принять? Когда пашут землю, всегда камни отбрасывают в сторону. Иначе и плуг сломаешь, и сев удержишь.

Нам предстоят жестокие бои с тысячами кулацких хозяйств, которые хотят удержать деревню в своих лапах.

Кулак добровольно уходить не желает. Отобрав от кулака средства производства, которыми он держал в руках деревню, нам надо окончательно уничтожить почву, на которой кулак зарождался. Нам надо обезвредить еще существующих кулаков.

Уничтожение кулака как класса—дело трудное. Его надо проводить умело. Что толку отобрать от кулака землю, если она останется незасеянной. Выйдет один стыд, кулаку на радость. „Вот,—скажет кулак,—хороши хозяева. Готовым не умеют пользоваться“. Плохо и отобранную корову или лошадь оставить без коллективного скотного двора.

Все такие поспешные действия льют воду на кулацкую мельницу. А то бывает и так, что заодно с кулаком заденут середняка. Совсем плохо. Обиженный понапрасну середняк для кулака находка. Он сейчас начнет пугать остальных середняков и бедняков: „Сейчас меня, а там, гляди, и за вас возьмутся“.

Помогают кулаку и головотяпы. Они силком и угрозами заставляют середняка идти в колхоз, а того не понимают, что правильный путь для привлечения середняка в колхозы, это показ, пример, разъяснение.

Партия и советская власть борются с такими перегибами и с помощью миллионов рабочих и крестьян упорно и настойчиво создают колхозы, вытесняют кулака там, где нет еще сплошной коллективизации, и добьются окончательной ликвидации кулака как класса путем сплошной коллективизации.

Товарищ Сталин о ликвидации кулачества как класса

Середняк есть союзник рабочего класса, и политика у нас должна быть с ним дружественной. Другое дело кулак. Кулак есть враг советской власти. С ним у нас нет и не может быть мира. Наша политика в отношении кулачества есть политика его ликвидации как класса. Это, конечно, не значит, что мы можем его ликвидировать в один присест. Но это значит, что мы будем вести дело на то, чтобы окружить его и ликвидировать.

Вот что говорит Ленин о кулаке:

„Кулаки—самые зверские, самые грубые, самые дикие эксплуататоры, не раз восстанавливавшие в истории других стран власть помещиков, царей, попов, капиталистов. Кулаков больше, чем помещиков и капиталистов. Но все же кулаки—меньшинство в народе... Эти кровопийцы нажились на народной нужде во время войны, они скопили тысячи и сотни тысяч денег, повышая цены на хлеб и другие продукты. Эти пауки жирели на счет разоренных войною крестьян, на счет голодных рабочих. Эти пиявки пили кровь трудящихся, богатея тем больше, чем больше голодал рабочий в городах и на фабриках. Эти вампиры подбирали и подбирают себе в руни помещичьи земли, они снова и снова кабелят бедных крестьян“ (т. XX, ч. 2, стр. 257).

Мы терпели этих кровопийц, пауков и вампиров, проводя политику ограничения их эксплуататорских тенденций. Терпели, так как нечем было заменить кулацкое хозяйство, кулацкое производство. Теперь мы имеем возможность заменить с лихвой их хозяйство хозяйством наших колхозов и совхозов. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц незачем. Терпеть дальше этих пауков и кровопийц, поджигающих колхозы, убивающих колхозных деятелей и пытающихся сорвать сев,—значит идти против интересов рабочих и крестьян.

Поэтому политика ликвидации кулачества как класса должна проводиться со всей той настойчивостью и последовательностью, на которую способны только большевики.

СОДЕРЖАНИЕ

Старое, как репейник, еще цепляется за новую жизнь	3
Загубленный труд	7
Кто же такой кулак.	8
Нутро кулака.	9
Ванька-Встанька	12
Все теснее и теснее становится жить кулаку	13
Зловредный благодетель.	18
Ненавистные слова	21
Чудеса в решете	24
Скатертью дорога.	27
Товарищ Сталин о ликвидации кулачества как класса	30

Проект 1989

СЛЕДУЮЩАЯ УДАРНАЯ
КНИЖКА

В. ФИНК

ЕВРЕИ В ПОЛЕ

Е

Е
Е
Е

14023

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ДОМА ДЕТСКОЙ КНИГИ
ДЕТГИЗА

18 коп.

К

